

ВЛАСТЕЛИНА БОГАТОВА



ОБМАНУТАЯ
ЖЕНА ДРАКОНА

Властелина Богатова

Обманутая жена дракона

<https://litres.ru/74213982>

Аннотация

♥# Ройнхард, холодный безжалостный дракон, предал меня, разменяв нашу истинность на близость с моей сестрой. От этой новости меня накрыло отчаяние, и очередной выкидыш унёс мою жизнь. Каково же было моё ошеломление, когда я оказалась в постели дракона в ту самую ночь, когда произошло зачатие! И как же теперь поступить?

Истинная пара Властный герой ХЭ

Содержание

1. Госпожа, вы куда?	4
✱ Визуал ✱	14
2. Не прикасайся ко мне!	15
3. Наша Лин-Лин опять не справилась	32
4. Я прощаюсь	45
5. Да, мой господин, как скажешь	54
6. В вашем положении нужно беречь себя	62
7. Давай, поиграем!	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

1. Госпожа, вы куда?

О том, что муж мне изменяет, я узнала из разговоров слуг.

Острая, словно ледяная игла, боль пронзила низ живота, выбивая воздух из легких. Инстинктивно сгибаюсь, хватаясь за живот. Холодный пот мгновенно покрывает виски, сердце сильно бьется.

— Госпожа, с вами всё в порядке, может, остановить карету? — беспокоится служанка.

— Нет! Никаких остановок.

Кармен замолкает, но тревога не пропадает из её глаз.

Спокойней, Шерилин.

Срок ещё совсем маленький — два месяца. Я не могу во второй раз потерять ребёнка.

Прикрываю веки, чувствуя, как карета мерно покачивается, потом берусь за ридикюль из дорогого изумрудного бархата с цепочкой и достаю круглое в металлической оправе зеркало.

Я должна выглядеть хорошо перед мужем. Но увы, мою тревогу не скрыть, лицо такое бледное, что сапфировые глаза, обычно искрящиеся, кажутся особенно большими и печальными. Но в этой хрупкости есть своя красота. Моя гордость — это густые и блестящие золотистые локоны. Ройнхард обожает пронизывать их пальцами.

Воспоминания о его порывах страсти проступили на ще-

ках легким румянцем.

Карета наконец въехала на закрытую территорию, проезжая пост, где нас по гербам впустили без лишних вопросов. Проехав по вымощенной камнем площадке, мы наконец останавливаемся перед главным зданием-штабом. Место мрачное, обнесённое высоким каменным забором по всему периметру.

Тишина на миг зазвенела в ушах, пока за дверкой не мелькнул курсант в форме. Дверь щелкнула.

Выбрав в лёгкие воздуха, я выбралась наружу, опираясь на предложенную мне руку. Подобрал подол дорогого, из синей парчи платья, я направилась к парадной.

— Госпожа, вы куда? — останавливает стражник, когда я повернула к главному кабинету.

— К Дер Крэйну, разумеется.

Стражник побелел.

— Госпожа... — нервно облизывает губы. — Господин Дер Крэйн занят, у него возникли неотложные дела.

— Хорошо, я подожду, — складываю перчатки вместе.

— Госпожа, это займёт много времени, — растерянный взгляд мечется в сторону другого стража.

Сердце ухнуло.

— Что за противоречивая чушь? Отойдите, я пройду, — цежу сквозь зубы и, не задерживаясь, направляюсь к лестнице.

— Госпожа! — догоняет возмущение, но я его уже не слы-

шу.

Взлетаю по лестнице, минуя длинный коридор когда-то пышущего роскошью дворца, сейчас переделанного на армейский лад. Я оказалась перед массивной дверью. Створка была приоткрыта, и звуки, донесшиеся до моего слуха, пронзили острыми клинками самое сердце: это были чувственные женские стоны.

Замираю, не в силах пошевелиться. Но что, если я ошибаюсь и за дверью окажется не Ройнхард?

Онемевшими пальцами берусь за прохладную ручку двери, медленно открываю и вхожу.

В кабинете полумрак, лишь полоска света, просачивающаяся между задернутых штор, падает на массивный письменный стол с гербом страны, на котором разместилась длинноногая шатенка. Её волосы красиво рассыпаны по спине, платье бесстыдно задрано до пояса, открывая кружевные резинки нейлоновых чёрных чулок, и между её ног ритмично вклинивался высокий роскошный темноволосый мужчина — Ройнхард. Мой муж.

Оцепенение и холод сковывают.

Ройн обратил на меня тяжелый, ещё затуманенный страстью взгляд пронзительно-синих глаз, превращая секунды в вечность. Даже сейчас он был неимоверно мужественен, сексуален и красив. Волевой подбородок с темнеющей щетиной, чувственная линия губ с ледяной ухмылкой... О, мне известно, как эти губы могут доставлять удовольствие. Мне одной.

Как они шепчут непристойности, как искусно ласкают, выжигая на коже следы вечной принадлежности. И сейчас... они целуют другую. Не меня.

Стою как в бреду, сливаясь с тенью, пропахшей парфюмом и чужой близостью. А после замечаю детали: дорогой шелк дамского нижнего белья, порочно брошенный на спинку его кресла, полупустой бокал на краю стола и... бархатный пустой футляр из-под драгоценностей, которые теперь украшают тонкое запястье и мочки ушей соперницы, сверкая между полных грудей каплей крови.

В животе разливалась тупая боль, лишая способности дышать, магия горячим гейзером выплеснулась из тела и хлынула на него. Ройн, конечно, успел среагировать, выставив щит, и горячее пламя, ударившись о преграду, жидким огнём разбрызгалось по сторонам. Бесстыдница вскрикнула.

Ройн выпрямился во весь свой могучий рост, сильный, опасный, матёрый дракон.

— Я вижу, что ты не контролируешь свои силы, Шерелин, — запахивает брюки. — Говорил, что тебе нужна помощь в управлении ими. Но в следующий раз, прежде чем обрушивать на меня свою... ярость, попытайся объяснить, что ты тут делаешь, — пугающе спокойно говорит предатель, ледяной тон тяжёлым клинком рассёкает моё сердце надвое.

Кровь отлила от лица. Как же так?! Значит, это правда. Слухи, шепот за спиной, его странное поведение в последние недели — все сложилось в эту ужасную неоспоримую карти-

ну предательства. Он спит с другой.

Меня трясло, а глаза щипали подступающие слёзы, застылая комом в горле.

Я просто смотрела на него, пытаюсь найти во взгляде хоть какое-то оправдание, хоть искру раскаяния. Но видела лишь ледяную ярость и... презрение. И это добило окончательно.

Шатенка обернулась, и мир вокруг утонул в боли и несправедливости.

— Беттис? — хрипло шепчу одними губами имя своей сестры.

Оцепенение. Шок. Неверие, пронзающее насквозь. Но это была она.

Я замерла, воздух словно выкачали из лёгких.

Высокая, ослепительно яркая, с вызывающе малиновыми губами и хищными раскосыми зелёными кошачьими глазами, точная копия матери... Сейчас она казалась мне воплощением порока. Эта стерва... в постели моего мужа!

— Ты... как ты мог?! — вырывается у меня сквозь стиснутые зубы, а предательская пелена уже застилает глаза. Нет, никогда они не увидят моих слёз.

Ройнхард отстранился от неё и двинулся ко мне. Сестра же, с ленивой грацией одёрнув короткий подол платья, прикрывавший бёдра, соскользнула со стола. Презрительно. Лениво. Победно. Я зажмурилась, судорожно сжимая кулаки, чувствуя себя раздавленной, униженной, ничтожной.

— Как ты мог лгать мне?! — голос всё-таки предательски

дрожит, выдавая всю глубину моей боли. Где-то внутри голос разума кричит молчать и покорно принять всё, но боль рвётся наружу.

— Тебе не следовало приходить сюда, — его красивый, обычно такой холодный голос вдруг опасно понижается на градус, скользя по нервам ледяным холодом, заставляя невольно отступить. Ройнхард сейчас чужой, пугающий, опасный.

— Я... — я запинаюсь, пытаюсь собраться с мыслями, пересилить нарастающую истерику. — Я хотела сказать тебе... — подбородок дрожит, и я не могу остановить эту предательскую дрожь. — Я беременна.

Секунда тягостного, давящего, сокрушительного молчания, казавшаяся вечностью. И затем Ройнхард шумно, с каким-то болезненным надрывом выдохнул.

— Ты опять за своё? Хватит врать мне, — он делает шаг ко мне, но я отшатываюсь, словно от удара. Меня тошнит. От него пахнет другой женщиной.

— Признайся, что ты бесплодна, так будет лучше для тебя же, — его взгляд вдруг становится каким-то жадным, голодным, болезненным, скользя по мне, обжигая ледяным жаром презрения.

Я дышала часто, поверхностно, но казалось, что задыхаюсь. Воздух словно превратился в вязкую удушающую массу.

— Что ты такое говоришь? Я не бесплодна.

Беременность... выдумка? Я почувствовала, как его слова бьют меня словно пощечины. Сердце бешено колотилось, а в горле стоял ком. Больше всего ранило даже не его неверие, а то, как Беттис злорадствовала, наслаждаясь моим унижением.

— Возвращайся домой, — продолжает он холодно, словно отчитывая непослушного ребенка. — Займись своими игрушками, заройся в книгах, пока меня нет. Считай это моим великодушием, Шерелин. Я закрываю глаза на твою очередную глупость.

В его голосе не было ни капли сочувствия, только снисходительное презрение.

— Но когда я вернусь, — его тон становится угрожающим, — подумай хорошенько над тем, что ты собираешься сказать. Хватит испытывать мое терпение. И признай уже наконец, что твоя магия бессильна в этом вопросе. Ты не сможешь выносить ребенка.

Слова жгли как кислота. Неужели он действительно считает меня такой лгуньей и дурой? Неужели он совсем не верит в то, что я говорю? Он ведь знал, как мне было плохо, сколько я переживала! Да, у нас не получалось зачать ребёнка в первый раз, и вот спустя два года я снова беременна, но он не верит, думает, что я лгу. Что с ним?

А Беттис... ее ликующая ухмылка говорила о том, что они все эти месяцы вместе.

Сердце бешено стучит от обиды. Семья разбилась, и боль

от осколков ранила меня.

— Я ухожу от тебя, Ройнхард, — слова срываются с дрожащих губ словно чужие, те, что я никогда бы не посмела произнести даже в самых страшных кошмарах.

В ответ Ройнхард резко сжал мою шею своей пятерней, перекрывая доступ кислорода. В глазах потемнело.

— Шерелин, ты, кажется, забываешь, — рычит он сквозь зубы. — Я осыпал тебя драгоценностями и артефактами. Ты получила лучшее место в жизни, влияние, ресурсы... А как насчет защиты? Ты забыла, как тебя хотели выдать замуж за старика? Где бы ты была сейчас, если бы не я?

Его слова были правдой. Мой брак должен был стать политическим союзом, но метка истинности все изменила. Я верила, наивная, что истинность — это прежде всего верность. Как же я ошибалась! Упустила из виду, что суррогатом может стать даже родная сестра.

Холод сковал меня изнутри. Все это время он делал это не ради меня, а ради контроля. Драгоценности, статус — все это оказалось лишь золотой клеткой для драконицы. Наш брак был шахматной партией, где я — всего лишь пешка, жертва в его игре за власть. Мои крылья, когда-то сильные и свободные, теперь опутаны золотой паутиной обязательств и смирения. Я — трофей, выставленный напоказ, символ его триумфа, а не любимая жена.

— Ты должна быть благодарна мне, Шерелин. Не забывайся, кто здесь главный. То, что я вообще выслушиваю твои

сопли после твоего внезапного появления — это уже великая милость. И не смей больше выкидывать такие фокусы. Особенно это касается твоего недовольства. Забудь, что видела. Всё до последней секунды. Или я помогу тебе это сделать, и поверь, тебе не понравится.

Меня затрясло от осознания: Ройн — собственник, чудовище.

Воспоминания проносились лихорадочным сном: как он выбирал мне платья, как указывал, с кем мне общаться, как контролировал каждый мой шаг. Я всегда думала, что это забота, что он просто хочет уберечь меня. Но теперь я понимаю — это была клетка.

По позвоночнику стекает жар, а затем ледяной ужас сковывает всё тело, и внизу живота снова режет.

— Отпусти меня, мне больно, — хриплю я, силясь вдохнуть. В лёгких жжёт, а перед глазами плывут чёрные точки. Запах мускуса и горечи черешни, когда-то любимый и родной, смешался с приторной тошнотворной сладостью.

Вырываюсь и выбегаю из кабинета, больше не в силах вынести это.

По щекам текут горячие слёзы, больше я их не сдерживаю. Сбежав с последней ступени лестницы, я падаю, вскрикнув от острой пронизывающей боли внизу живота, сжимаюсь, сворачиваясь клубком, но легче не становится. Паника оглушает, а вместе с ней приходят страх и внезапное облегчение от мук.

Кажется, вместе с очередным выкидышем я умерла...

Визуал

Шерелин. Наша героиня, умница, красавица, артефактор
и исследователь

Ройнхард Дер Крэйи, чериый дракон, генерал. Мужина
лёд, аналитик и стратег

2. Не прикасайся ко мне!

Каждый сильный размеренный толчок окатывает меня жаром внутри, разжигая сумасшедший пожар. Ритмичное покачивание и влажные звуки в темноте обнажают самые сокровенные желания, а властные прикосновения словно выжигают на коже метку.

Ройнхард присваивал, брал, и я полностью отдалась ему. Прикушенные губы горят от страстных поцелуев, тело ноет от следов пальцев сильных рук. Меня подбрасывает и опрокидывает в водоворот ярких сладострастных ощущений. Стремление слиться, почувствовать его глубже захватывает и взрывается гейзером внутри, заставляя обхватить его бёдра ногами. Процесс завершается парой сильных толчков и жарким дыханием в мои губы.

Ройнхард застывает на несколько секунд, даря ощущение наполненности и наслаждения, а потом горячо впивается в губы, проникая в рот языком, и отстраняется, ложится рядом.

Прихожу в себя. Секунды текут, в животе дрожь, воздух сладко льётся по горлу, между ног горячо, а вершинки грудей ноют от жестких ласк.

Только что мы занимались любовью.

Что?!

Резко открываю глаза.

Несколько секунд смотрю в полумрак, в котором мерцает позолота лепнины потолка. Горячие ароматные свечи, источающие густой запах цветочных прерий, смешанный с тонким ароматом мускуса, заполняют голову и будоражат.

Моргаю, ничего не понимая.

Тяжелые портьеры на окнах, за которыми едва занимается холодный рассвет, остывшие угли в камине, столик с пустыми бокалами и горой фруктов. Дорогой ишевский ковёр...

Это была наша супружеская спальня. Наша...

Но как это возможно?!

Прислушиваюсь и немею. Размеренное дыхание Ройнхарда рядом.

Медленно поворачиваю голову.

Сердце бешено колотится в груди.

Он даже во сне прекрасен: загорелая кожа литого тренированного тела контрастирует с белоснежной постелью, чёрные как смола волосы рассыпаны по шёлковой подушке. Тени от длинных чёрных ресниц мягко падают на щёки, чётко очерченные скулы, губы, которые так хочется целовать, притягивают. И я целовала совсем недавно!

Ощущение тяжести и стеснение внизу живота красноречиво говорили о недавнем произошедшем соитии.

Подсказываю в постели и чувствую характерную влагу между ног.

Ройнхард повернулся.

— Что такое, Шерелин? — хрипит муж и усмехается: —

Приснился кошмар?

Кошмар? Что вообще происходит? Я ведь только что была в генеральном штабе. И...

Потеряла ребенка и умерла!

Хватаюсь за живот, скольжу рукой по тончайшему неkfирскому шёлку своей пыльно-розового цвета сорочки.

— Ложись спать, Шерелин, ещё несколько часов до утра, завтра визит твоей матери. Отдохни.

Завтра? Что он несёт? Это было два месяца назад!

Так, стоп.

— Шерелин, — напрягается Ройнхард и тянется ко мне.

Я подпрыгиваю как разъярённая дикая кошка.

— Не прикасайся ко мне!

Ройнхард напрягся, черты его лица заострились, а взгляд потемнел и стал мгновенно опасным. Предатель, из-за которого я потеряла ребёнка! Чувствую, как в груди поднимается залегающая плотным слоем волна боли и гнева.

— Ты думаешь, я позволю тебе так поступить со мной?

Голос сорвался, и я отвернулась, чтобы он не увидел брызнувших из глаз слёз.

— Какого черта, Шери? — басит голос Ройнхарда, называя меня так ласково.

Лживый мерзавец!

Он поднимается с постели, и я соскальзываю с края и отбегаю от супружеского ложа.

— Я понимаю, что ты нервничаешь из-за приезда матери,

но это уже ненормально.

Ненормально? А нормально то, что ты спишь с моей сестрой?! Нормально, что ты не верил, что я беременна, и делал вид, что обеспокоен, на самом деле считая меня лгуньей?! О, как же мне хотелось взорваться яростью. Это мне не приснилось, не приснилось! Я не знаю, что произошло, но меня откинуло назад! Кто? Для чего? Ещё предстоит выяснить, но сейчас... Сейчас сердце разрывается от боли.

— Ройнхард, скажи мне правду, ты... — мой голос дрожит, сердце ноет, — ты веришь, что я была беременна?

Ройнхард каменеет.

— Шерелин, — жёстко обрывает он, — давай не будем это вспоминать.

— Ответь мне!

— Не кричи и ложись спать, — грозно рычит он и отворачивается, взяв с кресла халат, накидывает на широкие плечи и покидает покои, хлопнув дверью.

Вздрагиваю и поджимаю дрожащие губы. Он не верит мне. Два года я жила во лжи. Ройнхард давно потерял надежду, что я смогу подарить ему наследника.

Моя жизнь раскололась, как хрупкая хрустальная ваза об пол, на тысячи острых холодных осколков.

Разворачиваюсь и, опираясь о край туалетного столика, дышу часто и глубоко, но всё-равно не хватает дыхания, отчаяние накрывает. Всё эти два года я думала, что обрела своё собственное счастье. Разве семья не должна строиться на до-

верии? Его нет с самого начала.

— Какая же ты дура, Шерелин.

Судорожно вдыхаю.

Так. Соберись немедленно.

Смахиваю с лица золотистую прядь волос и осматриваюсь. Если я здесь, то нужно что-то поменять, решить, исправить.

Ройнхард спит с моей сестрой, которая уже месяц в столице вместе с матерью. Мы до сих пор ещё не виделись, я всё откладывала встречу. С мамой у меня всегда были сложные отношения, а сестра... Она от другого мужчины, родные мы по матери, и, разумеется, ближе мы от этого так и не стали.

Я видела её лишь несколько раз в жизни, но мне хватило, чтобы понять, как они похожи с госпожой Амалиен Декар.

Встреча произойдёт сегодня, и она будет не из приятных. После этого сестра станет частой гостьей моего дома.

Какая ирония, а я ведь в самом деле поверила, что она хочет наладить со мной отношения! Как бы не так, теперь её планы у меня как на ладони.

И никто об этом не знает.

Сон как рукой сняло, хотя никакого сна и не было. Пять минут назад я стала свидетельницей измены мужа. И это понесло за собой страшную трагедию...

Разворачиваюсь, бросая взгляд в сторону двери, куда удалился Ройнхард. По внутренней стороне бедра стекает результат бурного акта, напоминая о том, что именно эта ночь

принесла мне радостную новость.

И что теперь делать?

Немедленно выпить горькую настойку. Но разве невинная частичка виновата в том, что его отец — бессердечный негодяй?

Мысли путались в голове. Минувшие события как пушечные выстрелы чередой взрывались один за другим.

Я так свыклась с тем, что во мне зародилась жизнь, пусть и небольшой срок, но это уже случилось. Одна мысль, что я держу кроху на руках, растапливает сердце и обиду. Заставляя сердце жить...

Я сохраню ребёнка вопреки всему.

И Ройнхард об этом никогда не узнает.

Как он сказал? Моей магии недостаточно, чтобы выносить ребёнка?

Ха!

Мы ему ещё покажем! Он пожалеет, что предал нас. Очень сильно пожалеет.

Снова в груди защемило, снова потекли слёзы, как бы я ни держалась, боль разрывала.

И всё-таки как я перенеслась на два месяца назад? Для этого нужно иметь мощной силы дар. Другого объяснения я не могу дать. Только магия способна это сделать. Редкая и запретная магия.

Несколько секунд я смотрю в собственное отражение, и тут меня просто оглушает собственной догадкой.

Ну конечно... Мой ребёнок! Он настолько сильный, что своей магией почувствовал смертельную опасность и откинул нас назад.

Ошеломленно смотрю в свои пылающие магией огня глаза, в груди не хватает дыхания от страха и восхищения.

Если это так, то я просто обязана выносить моего малыша и родить. Он подарил мне вторую жизнь.

Судорожно обдумываю всё, время от времени подавляя приступы отчаяния. Разум буквально был в неравной схватке с эмоциями. Только боги знают, какая борьба происходит внутри меня.

Ройнхард так и не вернулся в спальню, и блеклый рассвет я встретила одна. Сегодня он останется в нашей резиденции и вместе со мной встретит гостей. Боги, как я радовалась такому событию, Ройнхарда сложно уговорить остаться на тесном семейном торжестве, он обычно оставлял это всё на меня. Но в этот раз я знаю почему, знаю истинную причину такого снисхождения. Он остался из-за моей сестры.

Сердце снова кольнуло и горячо забилось, слезы застилали глаза, хотя всё это время щёки оставались влажными, я даже не заметила, как непрерывно плачу. А осознание, что я была бы сейчас мертва, выбивало воздух из легких.

Вряд ли бы Ройнхард долго печалился по такому недоразумению. Его бы наверняка утешила Беттис, и он быстро бы забыл обо мне. О нас...

Яркий луч света пробился в окно и ослепил, я болезненно

поморщилась, за дверью слышалась возня слуг. Отрывая взгляд от скомканной постели со следами страсти, на которую пялилась оставшиеся часы, и смотрю на настенные массивные часы, показывающие семь утра.

Надо приводить себя в порядок.

Как же невыносимо оставаться здесь, рядом с ним. Хотелось прямо сейчас собрать вещи и исчезнуть, спрятаться и зализывать собственные раны, но не могу. Ройнхард здесь, он не отпустит. Я нужна ему как изысканная брошь на лацкане дорогого камзола — деталь, подчеркивающая его положение, но никак не согревающая его сердце. Как редкая картина в его галерее — предмет восхищения для гостей, но не источник личного вдохновения. Как дорогая ваза на столе переговоров — символ достатка, но не сосуд для живых цветов. Ею стала Беттис.

Судорожно делаю вдох.

— Потерпи ещё немного, Шерелин, всего один день.

Я приму мать и её, а после сбегу из этой клетки, когда он уединится с ней.

Я помню его долгое отсутствие... тогда я была слепа.

Но не сейчас!

Поднявшись с кресла, направилась в ванную комнату. Кармен как всегда была рядом и не задавала лишних вопросов, хотя видела моё состояние. Хочу припереть её к стенке и выбить из неё всё, что знает. Но зачем? Теперь нет в этом смысла.

Пришлось долго возиться со своим внешним видом, чтобы убрать припухшие от слез веки и красноту глаз.

— Что наденете, госпожа?

Поворачиваюсь к гардеробу. Все эти безумно дорогие наряды в одночасье поблекли, какая разница, что надеть. Для кого? Мужа-предателя? Это потеряло смысл.

— Без разницы, — бросаю хрипло.

Кармен теряется, но быстро соображает.

Нет, Шерелин, ты будешь выглядеть сногшибательно, несмотря ни на что!

— Вот это давай, — указываю.

Уже вскоре на мне оказалось нежнейшее шелковое платье персикового цвета. Оно струилось по фигуре, подчеркивая талию и мягко обнимая бедра. Вырез деликатно открывал ключицы и приподнимал грудь. Невероятно элегантное и вкусное. Персиковый — любимый цвет Ройнхарда...

Уже через пару часов в зеркало на меня смотрела прежняя Шерелин, роскошная блондинка, Золотая драконица и жена самого богатого дракона в столице.

Только не хватало одного — улыбки и блеска в глазах.

Но это ведь не страшно, правда ведь?

В приёмный зал я спустилась в гордом одиночестве. И не ожидала увидеть там Дер Крэйна, ведь согласно событиям настоящего я встретила гостей одна: Ройн присоединился немного позже.

Видимо, моя утренняя истерика поменяла ход событий.

Но теперь поменяется всё, сегодня я не лягу в супружескую постель.

И как бы я ни держалась, стараясь не выдавать поступающих к горлу эмоций, а меня пробила дрожь. Хотелось кричать: “Как же так?! Как ты мог, любимый? Ты ведь давал клятвы перед всеми.”

Но я смолчала, проглотила обиду.

Ройнхард был при параде, синий цвет мундира ему к лицу. Судя по тому, что в его руках книга, а сам он расслабленно восседает в кресле, положив щиколотку на колено, в приёмной он уже давно.

Меня опалило жаром, когда его грозовой взгляд пал на меня.

Вся моя выдержка, все мои попытки казаться сильной рухнули в одно мгновение! Его взгляд... Этот пронзительный, изучающий с ног до головы взгляд словно кинжал вонзился в самое сердце.

Оказалось, я не готова оставаться с ним наедине.

Замерла на пороге, не в силах пошевелиться. Каждая клеточка тела кричала от боли и предательства. В голове пульсировала лишь одна мысль: нашему браку конец. Я не смогу быть с ним и делать вид, что ничего не замечаю. Не смогу.

Я разворачиваюсь, чтобы выйти, понимая, что веду себя странно, но не могу ничего поделать, слезы душат.

— Стой, — гремит голос дракона, отдаваясь эхом по холодному помещению, вызывая внутри меня тревогу. — Вер-

нись.

Это были не просьбы — приказ.

Потерпи, Шери, скоро тебя здесь не будет.

Медленно разворачиваюсь.

Ройнхард наблюдает за мной, не двигаясь. В его глазах не было ни ярости, ни подозрений — только холодный изучающий взгляд. Он казался отстраненным наблюдателем, словно анализировал сложную математическую задачу, в которой я — ключевая переменная. Он всегда был таким, но сейчас для меня бесконечно чужой. Невидимая стена встала между нами.

— Твоя реакция предсказуема, — наконец произносит он спокойно, словно комментируя погоду. — Я привык к твоей импульсивности. Но всё жду, когда ты предпочтешь более рациональный подход. Объяснение возможно? Что с тобой?

— Объяснение? Какое ты требуешь от меня объяснение? Я хочу получить ответ на свой вопрос, и только, — леплю на губы улыбку.

Ройнхард пристально смотрит, потом откладывает книгу и медленно поднимается.

Каждая клетка моего тела превращается в натянутую струну. Хотелось прижаться к стене и не двигаться. Он подходит почти вплотную. Замираю, ощущая исходящую от него волну власти и незыблемого авторитета, чувствую себя каплей в этом океане, ничтожной и зависимой. Неспособной выйти из этого омута. Любая попытка — гибель. Смогу ли я

вообще уйти от него? Забыть? Мой распалённый ум сходит с ума от одной мысли.

— Ты опять об этом?

Тело отзывается на его грудной голос, купается в этой стилии, млеет от недавних жестких ласк, растекающихся сладким ядом по венам. Злюсь ещё больше, что поддаюсь этому.

— Меня это уже порядком утомляет. Прекрати за это цепляться.

Он снова уклоняется от ответа. А значит, я должна смириться с тем, что никогда не стану матерью? Поджала губы, с трудом сдерживая рвущийся наружу крик. Дыхание стало шумным, прерывистым.

Я так не могу! Мне нужно знать, как долго он с Беттис, иначе просто умру.

— Как продвигается работа с артефактами? Нужно что-нибудь еще? Просто скажи, и я доставлю все, что потребуется, — он резко меняет тему, не отрывая от меня взгляда.

Кривая усмешка тронула мои губы. Вот оно что! Ему просто выгодно, чтобы я была занята и не лезла не в свое дело. Чтобы не заметила, как он развлекается с другой женщиной, осыпает ее драгоценностями, шепчет непристойности, а она... раздвигает ноги.

Почему именно она?!

Сердце пропустило удар, забилося где-то в горле.

— Пока ничего не нужно, — выпаливаю я. Мне уже от тебя ничего не нужно.

Терпи, Шерелин, терпи! Нельзя показывать слабость. Но как же это сложно! Это самый ужасный день в моей жизни.

Он склоняется, сокращая дистанцию до предела. Я отшатнулась, не в силах себя контролировать.

Взгляд Ройнхарда стал хищным, пронзительным. Он видел меня насквозь, давил своей силой, пытался подчинить. Это была настоящая пытка.

— Не играй со мной, Шерелин, — его голос становится ниже, опаснее. — Ты знаешь, что я терпеть не могу, когда от меня что-то скрывают. Особенно ты.

Да как он смеет вот так мной манипулировать?!

Чувствую запах его кожи, мускуса. Мне нельзя приближаться к нему, тело становится непослушным, а мысли вязкими.

— Ты действительно думаешь, что я настолько глупа? — спрашиваю с болью в голосе.

В его глазах мелькнуло удивление, но тут же сменилось холодной непроницаемостью.

— К чему ты клонишь?

Это было последней каплей, видимо, я не настолько сильна, чтобы выдержать его напор. Я сильно переоценила себя, думая, что смогу молча уйти. Не получится. Ураган бился в груди несправедливостью.

— Я знаю, что у тебя есть другая, — твёрдо заявляю. Ройнхард каменеет.

Секунды молчания тянутся невыносимо бесконечно.

— Я всё знаю, — повторяю. — Ты думаешь, я не слышу шепот слуг?

Жаль только, я слишком поздно об этом услышала.

— Думаешь, не почувствовала твоего холода по ночам? Думаешь, посадил меня в клетку, и я стану закрывать на всё глаза? — голос срывается на хриплый шёпот, ком подкатывает к горлу, не давая говорить, гнев звенит в каждом нерве моего тела, оглушая.

Нет, я больше не хочу молчать, не хочу делать вид, что всё в порядке! Я хочу, чтобы он знал, как больно мне, как унижительно осознавать, что меня предали.

— И что ты собираешься с этим делать? — в его голосе нет ни капли раскаяния, лишь холодная циничность, уверенность в том, что эта правда не делает мою жизнь легче. — Уйдешь? Ты думаешь, я тебя отпущу?

Его слова прозвучали опасно, я сжалась.

— Я не твоя собственность, Ройнхард. Я не вещь, которой можно пользоваться, когда захочется.

Ройнхард склоняется, и я чувствую его мятное дыхание на своей коже. Мое тело дрожит, охваченное диким страхом и каким-то болезненным желанием.

— По мне, так ты, кажется, совсем не против.

Мерзавец!

— Ты моя законная жена, Шерелин, — жёстко говорит он, будто надоело играть. — И ты останешься ею, пока я этого хочу. Моя личная жизнь не должна тебя касаться.

Он хватает меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. В его взгляде нет добра, лишь властное желание обладать.

— Ты можешь злиться, можешь ревновать, но ты никогда не уйдешь от меня. Никогда. Так что выкинь эту идею из своей светлой головки как можно быстрее.

Значит, он не отрицает, что спит с моей сестрой.

Миг отчаянной борьбы сменяется полным крахом.

— Герцогиня Амалиен Декар и госпожа Беттисия Декар!
— громогласно произносит дворецкий.

— Почему? Что я делала не так? — голос дрожит.

Зачем я это спросила? Не нужно было, но так хочется узнать правду. Я была верна ему, исполняла все обязанности, старалась, выкладывалась, в конце концов, готова была родить от него детей, рискуя собой. Где я свернула не туда, в каком моменте наши пути разошлись? Да, мы вместе три года, не много, но где я сделала ошибку? Почему не сложилось? Почему она, а не я?!

Мой вопрос как мыльный пузырь повис в воздухе, и он не значил для него ничего.

— Ты знала, что брак со мной будет непростым, — сухо отвечает он, смотрит сверху вниз. В его глазах ни капли тепла, лишь холодный расчет, анализирующий ситуацию, словно раскладывая её на составляющие. Лёд, который никогда не растопить.

— Ты действительно не понимаешь, Шерелин? — его го-

лос полон снисходительности. — Ты полезна. Идеальная супруга для поддержания статуса. Дорогая, красивая. Драконница. Но ты не смогла дать мне наследника. Ты лжёшь мне, придумала эту небылицу с потерей ребёнка, устраиваешь по ночам истерики, обвиняя меня в том, что я не верю тебе. Назови хоть одну причину, по которой я должен выбрать тебя дальше? Хотя бы одну. Секс? Нет, я могу его получить по щелчку пальцев, и поверь, он будет гораздо приятнее. Знаешь почему? Потому что я не чувствую себя виноватым в чьей-то неполноценности. Меня просто хотят, от меня текут, я могу просто трахать другую бабу, не задалбливаясь чужой проблемой. Что ещё? Комфорт? У меня достаточно денег, чтобы это себе обеспечить на десять жизней вперёд. Хозяйство? Для этого есть слуги. Престиж? Пожалуй, немного, совсем чуть-чуть, именно поэтому ты ещё со мной. Маленькая доля того, что я получаю от тебя.

Он делает паузу, словно давая время осознать всю глубину моего ничтожества в его глазах. Истерики? Я? По его мнению, мои душевные переживания — это истерики? Я же думаю о нём!

— Не усугубляй, Шери. И не зли меня. Недостаточно быть хорошей для меня. Недостаточно! Мои амбиции требуют большего. Моя власть требует большего. И другая может дать мне это “большее” А ты — нет. Три года — это долгий срок для проверки. Я правда ждал. Ты провалила её.

Его слова как ледяной ветер пронизывают до костей.

Жестко. Жестоко осознавать, что я всего лишь инструмент в его руках, ступенька на пути к его величию. И теперь, когда появилась возможность подняться выше, он без колебаний отбросил меня в сторону.

— Шерелин, не думай, что ты незаменима. Я — тот, кого хотят все. Любая женщина, какую только пожелаю, ляжет ко мне в постель. И если я выбрал другую, значит, она дала мне то, чего не смогла дать ты. Просто смирись с этим.

Он меряет меня глазами пристально, долго, обжигает своим холодом самую душу. Ощущение, что я стою на тонком льду и он трескается. Становится холодно.

Сжимаю пальцы в кулаки, пронзаю ладони ногтями.

Холодно и больно.

За дверью слышались шаги и шелест тканей. Казалось, что я не справлюсь, просто рухну под лёд, и никто мне не подаст руки.

Но я знаю одно — ты ошибаешься, Ройнхард, я рожу ребёнка, но ты его не получишь, никогда.

Приподнимаю подбородок, собрав в себе все необходимые силы.

3. Наша Лин-Лин опять не справилась

Ройнхард отступает, освобождая от своего ледяного плена.

— Гостей примешь одна. Присоединюсь позже, — говорит он и направляется прочь.

Оглушенная, провожаю его широкую спину немим взглядом. Снова ход событий изменился, ведь мой муж был со мной, а теперь уходит. Не успела подумать об этом, в зал вошли две женщины.

Амалиен Декар, моя мать, была в столице на нашей с Ройнхардом свадебной церемонии. С тех пор прошло три года.

Она не изменилась, всё так же красива, горделива и стройна, как возвышающий маяк на каменном мысе, и таким же холодным и далеким был её взгляд, встретивший меня.

Каштановые волосы собраны в сложную причёску без единого признака седины. Амалиен любила подчёркивать декольте, демонстрируя женственную естественную грудь, которую украшали драгоценные тяжёлые тёмно-синие алмазы. Морского цвета платье с недлинным шлейфом струилось как волны к полу.

Рядом с ней стояла копия матери, только молодая, свежая и цветущая, *она*.

Моя сводная сестра. А теперь ещё любовница мужа. Беттисия младше меня на три года, свободная и раскованная, знающая себе цену, это было видно по смелому прямому взгляду, развороту плеч и наряду. Полная тяжёлая грудь с проступающими горошинами, осиная талия, а линия бёдер мягко изгибается под нежной струящейся тканью персикового цвета, любимого цвета моего мужа.

Продемонстрировала, что знает вкусы моего мужа, в то время как на мне было такого же тона платье. Намеренно провоцирует, чтобы унизить и подчеркнуть моё положение.

Словно в тумане смотрю в её лицо, на котором лёгкая косметика, подчёркивающая бесстыжий кошачий взгляд.

Спокойной, Шерелин, держи себя в руках.

Это было непросто, магия текла огненной лавой по венам, готовая нанести удар.

Горько признать красоту и великолепие Беттис. Секс с драконом сделал ее женщиной. Она приобрела будто еще больше манкости, в то время как я после первой неудачной беременности будто утратила часть своей привлекательности.

Мой взгляд невольно опускается на ожерелье, украшающее её длинную шею. Подарок Ройнхарда?

— Шерелин, ты здесь? Ты нас примешь или так и будешь стоять? — Амалиен напрягается.

Мать приблизилась, шлейф садовой фиалки окутал душистым облаком. Не люблю этот запах, он напоминает дом, в

котором были вечные скандалы.

— Как поживаешь, Лин-Лин? — встаёт рядом Беттис, её высокий голос всегда заставлял мой слух напрягаться. Пожалуй, это единственный её недостаток, хотя для мужчин наверняка достоинство, стоит только вспомнить, как она стояла под ним совсем недавно.

Ненавижу это прозвище, которое дала мне она! Теперь мне ясен его смысл, звучит как “динь-динь” — звон колокольчика, когда зовут слуг. Сестра просто глумилась, называя меня так, а я даже не понимала этого.

Беттис делает шаг для объятий, а я резко поворачиваюсь к Амалиен.

— Как добрались? — леплю на губы улыбку.

— Ужасно, нас застал шторм, — закатывает глаза мать. — Судно сильно качало, до сих пор не могу отойти...

Амалиен что-то дальше рассказывала, а я следила за *ней*. Беттис же приняла от слуги бокал с пузыристым напитком и, качая бёдрами, разместилась в кресле, где только что сидел Ройнхард.

Как же хотелось вцепиться в её волосы и оттащить как следует. Но что это даст? Ройнхард не поменяет своего мнения, и уже ничего не изменить. Мне дан именно этот отрезок времени, и я не имею права на ошибку. От этого зависит не только моё будущее. Я должна держаться, быть осторожной.

Амалиен вдруг прищурилась, окинув меня взглядом с головы до ног.

— Шерелин, что за фасон платья? — она быстро приближается, подхватывая подол моего платья. — Тебе не кажется, что оно слишком вызывающее, ужасная безвкусица. А фигура, ты пополнила? Опять налегаешь на сладкое? Не следишь за собой, Шерилин. А причёска? И косметики много. Прости меня, но так только шлюхи выглядят.

Её придирки хлестали плетью. Это платье одобрил Ройн, и я не поправилась, а даже исхудала от бесконечных переживаний.

Амалиен всегда несправедливо цеплялась ко мне без причины, выискивая недостатки. Каждое слово как ледяная игла впивалось больно в кожу. В такие моменты я снова превращалась в колючий комок, маленькую девочку, которая никогда не угодит.

То ли дело Беттис, её Амалиен обожает, гордится и заботится. Почему? Почему от меня что-то требуют, винят, прижимают, а её боготворят? Чем я хуже Беттис? Да что со мной не так, чёрт возьми?!

— Я слышала, что ты плохо справляешься со своими обязанностями. А Ройнхард доволен тобой? — продолжает она. — Почему у тебя такое кислое лицо? Плохо спишь? Кстати, где он, почему не с тобой? Вы поссорились?

Я буквально немею от града колючих вопросов.

А знает ли мать, что Беттис спит с моим мужем?

Тревога расползлась по телу, сообщая о том, что здесь опасность, разговор зашёл не туда. Впрочем, так подавленно

я не должна была выглядеть, меня выдавало все: дрожащий, сдавленный обидой голос, затравленный взгляд, полный боли, нервные жесты, заторможенная реакция, пассивное поведение.

Если я думала, что могу выдержать эту встречу, то я ошиблась. Ком подкатил к горлу, глазам стало горячо, где-то в груди предательски болело.

— У нас всё хорошо, — выдавливаю из себя, но голос буквально срывается. — Я справляюсь со своими обязанностями.

— Неправда, — отставляет бокал Беттис и поднимается с кресла, направляясь в мою сторону.

Сжимаю кулаки, сердце стучит где-то в горле, а грудь обжигает.

Беттис была чуть выше меня, к тому же высокие каблуки добавляли ей грации. Она посмотрела на меня свысока.

— Наша Лин-Лин опять не справилась.

Она обвела меня презрительным взглядом с головы до ног, словно оценивая товар на рынке.

— И что с тобой делать, бедняжка? Ройнхард слишком добр к тебе. Ты не тянешь, Лин-Лин, просто признай это. Он заслуживает лучшего.

Я попыталась сохранить лицо, но это было почти невозможно.

— Это не твое дело, — шепчу я едва слышно, глотая слёзы.

Беттис усмехнулась, ее глаза сверкнули торжеством.

— О, поверь мне, это мое дело, — мурлыкает она, наклоняясь ближе. — Я забочусь о Ройнхарде. А ты его только позоришь.

В её словах сквозила ядовитая насмешка, и я почувствовала, как моё лицо пылает от стыда.

Беттис решила объявить мне войну, сколь же уверенной нужно быть, чтобы говорить подобное законной жене? Значит, на роль любовницы она утверждена, иначе бы не посмела подобной дерзости.

— А теперь посмотри на себя, — Беттис указывает на меня пальцем, словно на грязное пятно. — Ты жалкая. Неуверенная в себе, забитая... Как Ройнхард вообще всё ещё с тобой?

Я не могла больше этого выносить. Ярость, копившаяся во мне все эти годы, начала прорываться наружу. Но нельзя срываться, во мне зарождается новая жизнь. Ройнхард хочет потомство и думает, что моя сестра может его дать. Посмотрим, как он сильно разочаруется, они под стать друг другу, мой муж даже не знает, с какой расчётливой дрянью связался. Но Беттис серьёзно влипла.

— Рано радуешься, сестрёнка, — мой голос звучит едва слышно, ровно, как натянутая струна, без малейшего намёка на недавнюю дрожь. — Ройнхард не терпит лжи, а ты насквозь ею пропитана.

— Я подарю ему наследника.

— Ты уверена, что сможешь?

Лёгкая, словно тень бабочки, улыбка коснулась губ Беттис и тут же исчезла, оставив после себя лишь напряжённую линию.

— В отличие от тебя, да.

Я сделала шаг вперёд, переступая через ту невидимую, но осязаемую грань, что всегда держала меня на ступень ниже, заставляла чувствовать себя меньше.

— Удачи, — усмехаюсь сдержанно и горько.

Беттис хмыкнула, закатив глаза, и отступила.

Разворачиваюсь к госпоже Декар.

— Знаешь, в чём твоя главная ошибка, мама? Я не позор, не кукла для битвы. Я — человек. Да, уставший, растерянный, возможно, даже сломленный. И пусть я далека от идеала, от той картинки, которую ты нарисовала в своей голове, я больше не позволю вам обоим топтаться по мне, вытирать об меня ноги, как о грязную тряпку.

Мать, до этого сверлившая меня ледяным взглядом, вдруг потемнела.

— Ты всегда смотрела на меня так, словно я твоя самая большая ошибка, провал всей жизни. Ты никогда не хотела увидеть, кем я стала, что я из себя представляю. Тебе было важно лишь то, кем я должна была быть — по твоим тщательно выверенным правилам.

Слёзы предательски блеснули в глазах, но я сдержала их, не позволила им пролиться. Внутри меня клокотал огонь

обиды, боли, ярости. И я больше не собиралась прятать его, гасить, делать вид, что ничего не чувствую.

— Я больше не позволю тебе со мной так обходиться.

Тишина, что повисла в воздухе после моих слов, давила.

Беттис лениво вскинула бровь, её глаза сузились:

— И что же ты теперь собираешься делать, Лин-Лин? Чем нас удивишь?

Я медленно отвела взгляд от матери, переводя его на Беттис. В уголках губ мелькнула едва заметная усмешка:

— Поверь, мне не нужно что-то делать, — смолкаю, давая время им подумать. — Сейчас вы в моём доме, приятного отдыха. Пойду проверю, как справляются слуги.

Я развернулась, спина прямая, плечи расправлены, каждый шаг уверенный. Я больше не та испуганная девочка, загнанная в угол, готовая подчиниться любой воле. Я — женщина, у которой отняли личное счастье, но не волю. И именно она теперь ведёт меня вперёд.

Поражение жжёт. Но голову я не опущу — никогда!

Шагаю по этому ослепляющему сверкающему коридору словно на казнь. Толкаю эти помпезные двери, покрытые факеточным стеклом, и захлопываю за собой, прислоняясь спиной.

Вдох... выдох...

Слёзы должны были смыть всю эту гадость, но вместо этого обжигают лицо лавой! Слова матери — как отравленные стрелы прямо в сердце! Какая там броня? Её нет! Только ста-

рые раны, которые я так надеялась вылечить.

Я всегда чувствовала себя лишней, некой обузой для Амалиен. Это чувство словно тень преследует меня всю жизнь, напоминает, что даже в самом близком человеке нет тепла для меня. Мой отец — незаконнорожденный потомок императорской крови, один из приближённых к трону. Его происхождение даёт ему высокий статус, хотя и омрачённый скандалом. Он не сделал союз с Амалиен официальным, хотя признал меня как дочь — формально, без любви или особого участия в моей жизни. Это было холодное признание из чувства долга, не более.

После этого позора Амалиен оказалась в сложной ситуации: одиночка с дочерью от мужчины, который не стал её защищать. Чтобы сохранить статус и вернуть благосклонность общества, она вышла замуж за другого мужчину — влиятельного. В этом браке родилась Беттис — легитимная дочь, которой Амалиен гордится открыто.

Я всегда напоминала ей о её же слабости, ошибке и унижении. И хотя та сама была участницей этих событий, всю вину она перенесла на меня.

Даже несмотря на метку истинности — знак, который открывает доступ к наследию — меня считают слабой. От отца мне досталась огненная магия. А от прабабушки по материнской линии — ипостась драконицы. Редкая, древняя. Та, что пробуждается только раз в поколение.

Но для Ройнхарда всё это — не аргумент. Я обладаю си-

лой, но в его глазах не имею особой ценности. А теперь Беттис претендует на моё место. На мою роль. И ей начали верить.

И что самое обидное — дверь ей открыла я. И если она станет новой истинной — кем останусь я?

Просто вышвырнут на улицу с позором. Но до тех пор, пока Ройнхард не убедится, что получит от Беттис наследника, он не позволит мне уйти.

Да и куда я пойду? В родительский дом? Ну уж нет, там мне не будет покоя! У отца, которому я безразлична — давно. Как же мне хотелось, чтобы Ройнхард никогда меня больше не нашёл.

Опускаю руку на живот.

Внутри меня зародилась жизнь, я должна думать о своей маленькой, но такой сильной частичке, и постараться сохранить её.

— Нужно подождать, пока моя кроха не заявит о себе.

Обед прошёл ужасно, мне кусок в горло не лез. Ройнхард присоединился к нам, отстранённый, холодный, чужой и величественный. Чёрный мундир ему к лицу. Беттис сияла. Она всячески пыталась говорить с ним — флиртвала, смеялась над каждой фразой, наклонялась ближе, будто невзначай.

Я сжимала зубы и молчала. В груди кипел яд — и боль,

и гнев, и унижение.

Они думают, я не вижу? Или — что смирилась?

— Я останусь на несколько дней, — произносит Беттис небрежно, глядя в бокал. — У вас тут... уютно.

— Нет, — отвечаю я твёрдо, прежде чем кто-то успеет вмешаться. — Это невозможно.

Беттис подняла бровь:

— Правда?

Она сыграла на своей коронной обиде — надменно, чуть надув губы.

— Я тебе мешаю?

— Ты знаешь, что мешаешь.

Ройнхард впервые посмотрел на меня. Его взгляд был холодным, колючим.

— Шерелин, ты перегибаешь.

Он сказал это спокойно. Не защитил меня, не остановил сестру. Просто сделал меня виноватой — как будто всё случившееся было лишь проявлением моей ревности, слабости и страха.

После ужина он не пришёл в спальню.

Он просто уехал, сказав сухо:

— Тебе нужно остыть.

Может быть... ему просто удобно не видеть, как умирает любовь.

Беттис тоже смыло будто волной. Видимо, веселье продолжилось в другом месте. В ту ночь я редела в подушку до

утра. Беззвучно. Захлёбываясь.

Я будто утопающая, к которой привязали камень и толкнули в тёмную воду для бесконечных мук. Одна мысль, что он с ней развлекается, сжигала изнутри. Даже после всего я дико ревную.

Так прошло несколько дней, потом несколько недель. Молчаливый кошмар продолжался. Он не писал. Не возвращался. Не звал. А я всё ещё почему-то чувствовала к нему... Нет. Не смей. Нет больше чувств, только пропасть.

В какой-то момент я поняла, что сильно устаю.

А в один из дней проснулась от душащей тошноты.

Поднявшись и шатаясь, прошла к окну и распахнула его. Воздух немного облегчил страдания.

Я испуганно опёрлась о подоконник. Руки дрожали. Выглядела в последнее время я очень плохо, мешки под глазами, рёбра стали выпирать, глаза тусклые.

Сердце застучало громко и не в такт. Грудь ныла.

— Госпожа, — Кармен подходит почти неслышно. — Вы побледнели. Всё хорошо?

Я закрыла глаза.

Нет, все плохо.

— Просто жара, — бормочу я.

Но во дворце не было жары. Было прохладно, особенно в последнее время.

Я выпрямилась, чтобы отойти от окна, голова закружилась, и меня замутило сильнее, едва успела пробежать до ван-

ной комнаты.

4. Я прощаюсь

Меня вывернуло наизнанку.

Открываю кран и умываюсь, чувствуя, как меня потряхивает. Прохладная вода приводит в чувство. В животе словно поселилась трепетная бабочка, но её крылья несут не легкость, а дикую ответственность. Вся кровь отхлынула от лица, оставив след робкого, еще не оформившегося счастья.

— Ну вот, все получилось, — шепчу хрипло.

И уже не будет как раньше. Боль и радость перемишиваются в один коктейль, через который пробивается тонкий луч радости, предвкушение чуда, зарождающейся жизни. Это опьяняет и пугает одновременно.

Как жаль, что Ройнхард не верит нам. И снова от этой мысли заныло сердце. И снова будто не хватает воздуха.

Обхватываю края раковины и дышу.

Всё, больше не думай об этом.

Выкинуть его из головы, из сердца вырвать. Пусть развлекается со своей шлюхой, а мы будем строить новую жизнь. Но для начала нужно добиться развода.

За эти дни я обдумала всё. Дракон найдёт меня по метке, куда бы я ни отправилась, единственное место, где я могу получить защиту, это императорский дворец. И чем больше я думала о будущем, тем больше укреплялась в мысли встретиться со своим отцом. Но не так-то просто это было

сделать. По слухам, герцог Альвис Дарнелль не был в столице, поэтому пришлось ждать столько времени.

— Госпожа, давайте я вызову лекаря, — встречает Кармен, когда я выхожу из ванной.

— Нет, — категорически возражаю, никто не должен знать о моей беременности, я не могу рисковать. — Со мной всё в порядке.

— Вы уверены? У вас нездоровый вид.

— Уверена, закроем этот вопрос.

— Хорошо, тогда позвольте помочь одеться, госпожа Амалиен Декар ждёт вас на завтрак.

Прикрываю веки, чувствуя, как ураган проносится по телу. Когда же она покинет этот дом? Впрочем, неважно, я покину его быстрее.

— Скажи, что у меня нет аппетита, я пропущу завтрак, пусть не ждёт.

— Слушаюсь, — приседает Кармен.

— Прикажи приготовить карету, мне нужно отлучиться по важным делам.

— Госпожа, но господин Крэйн запретил...

Резко поворачиваюсь к ней и надвигаюсь, сдерживая в кулаках эмоции.

— Кармен, ты забыла, что моя служанка и подчиняешься только мне? А если нет, то я быстро найду тебе замену.

— Простите, госпожа...

— Что он ещё сказал?

— Ничего, госпожа, только то, что вам запрещено покидать резиденцию до его возвращения, — Кармен опускает глаза, переминаясь с ноги на ногу.

Мир на миг покачнулся. Словно кто-то вырвал опору из-под ног, не с яростью, а с холодом, обжигающим изнутри. На несколько секунд наступает тишина. Она давит, как купол из стекла, в котором не хватает воздуха. Я чувствую, как в груди закипает паника, перемешанная с унижением. Заключённая. В собственном доме.

Я отворачиваюсь, чтобы Кармен не увидела, как дрожат мои пальцы.

— Ты свободна, — произношу с ледяной ровностью. — Можешь идти.

— Госпожа... простите меня... — хочет остаться, но не смеет послушаться. Кланяется и уходит.

Дверь закрывается за ней с глухим щелчком.

Я стою в центре комнаты и впервые за всё это время позволяю себе сорваться — кидаю серебряную щётку на пол, и та с грохотом катится в угол.

Он закрыл меня. Он боится, что я уйду. Значит, всё же понимает, что теряет.

Но даже это не утешает. Сажусь за секретер и вытаскиваю лист бумаги. Мои пальцы дрожат, но мысли становятся всё яснее. Мне нужно уйти. Как бы ни было страшно.

Пишу короткое письмо. Не отцу. Не сейчас. А Орвелю Мериану, единственному, кто может меня прикрыть — как

личный лекарь. Если кто и сможет вытащить меня из дома без лишних подозрений, то он.

Запечатываю письмо, прячу его в складках платья и выхожу из комнаты. Кармен я нашла в соседнем зале.

— Мне действительно нездоровится. Вызови Орвеля Мериана. И передай вот это лично в руки. Если кто-то узнает — забудь, кто тебе передал, — ловлю её взгляд.

Карман кивает и берёт письмо. Не знаю, можно ли ей довериться, время покажет.

Смотрю ей вслед, затаив дыхание. Теперь — ждать.

Кармен удалилась. Несколько секунд стою посреди спальни. Если я не сбегу сегодня, то стану постельной рабыней для своего мужа-изменника и снова случится выкидыш на этой почве, когда я буду наблюдать, как он развлекается с Беттис. Что самое скверное, вдруг она забеременеет, кем я тогда стану в этом доме? Я просто умру от страданий.

Бежать.

Сбрасывая нервозность, принялась собираться. Но как бы я себя ни успокаивала, сомнения грызли, страхи душили. Что, если отец меня не примет? Выставит за дверь и обвинит, что я пытаюсь своим появлением запятнать его репутацию.

Тогда я попрошу аудиенции у самого императора. Сделаю всё что угодно, но не останусь здесь, заточённая в стенах.

Много вещей не имело смысла брать, пара платьев, документы и деньги, которые были у меня в тайнике. Но большую ценность представляла моя библиотека.

С чем было жаль расставаться, так это с ней. Древние рукописи, письма, чертежи. Я с тоской провела пальцами по корешкам фолиантов, покрытых позолотой.

Вздыхаю.

— Я прощаюсь...

До замужества я занималась исследованиями древних источников магии, собирала тексты, занималась переводами забытых языков, участвовала в составлении магических трактатов. Тогда я была собой — свободной, сосредоточенной, голодной до знаний. Я вела переписку с лучшими архивами Империи. А потом...

Я скользнула взглядом по глубокому мягкому креслу, и будто видение пронеслось мимолетное ощущение, как Ройн застаёт меня здесь, что-то спрашивает, интересуется, я отвечаю, а потом оказываюсь в его объятиях.

Судорожно вдыхаю: столько восхитительных моментов было здесь. Но для него это ничего не значило. Минуты близости и откровенности он променял на более молодую самку.

...Потом начались помолвка, обязательства, приёмы, улыбки и бессмысленные разговоры о светских тканях и прическах. А на самом деле я медленно утопала в болоте из шелка и приличий, а моя настоящая суть — растворялась.

Теперь я хочу вернуть это. Себя.

Я собрала всё, что могла унести: пергаменты, амулеты, тетради с заметками и черновиками. Сунула в дорожную сумку своё личное изготовление, артефакт с выгравирован-

ными рунами.

Сердце стучало, в голове — шум. В теле ужасная слабость. Но в этом шуме зарождалась чёткая мысль. Я не просто бегу. Я возвращаюсь к себе.

Встретиться с отцом — страшно, но необходимо. Попросить защиты — ещё страшнее. Но я не прошу ради себя. Я прошу ради того, кто уже живёт внутри меня.

Я бросила последний взгляд на комнату. Сюда я больше не войду.

Замок щёлкнул как выстрел.

Я вздрогнула, быстро бросила сумку на пол и толкнула за кресло. Развернулась в тот момент, когда в библиотеку вошла Амалиен.

Сердце бешено заколотилось, по телу пронеслось оцепенение.

Мать посмотрела на меня с нечитаемым выражением лица. Её взгляд медленно сполз вниз.

— Что происходит, могла бы ты объяснить? — заводится Амалиен сходу. — Сначала ты отказываешься от завтрака, потом посылаешь служанку за лекарем. А теперь нахожу тебя в библиотеке. Может, поставишь меня в известность? Я всё-таки твоя мать.

Как громко сказано, даже можно пооплодировать.

— Ты бледная и взъерошенная, съела что-то не то вчера? Съела, да. Яд, которым вы меня поили всё это время.

Эта мысль покорила, в висках запульсировало. А мо-

жет, кто-то мешал моей беременности? Ведь даже в первую беременность она не поддержала меня — просто снисходительно улыбнулась. Тогда я не понимала, что за этой улыбкой скрывалось. А теперь понимаю: родная мать всегда видела во мне недоразумение, которое изо всех сил старается, но всё равно ничего не выходит.

Нет, она не может так поступить со мной, это уже слишком. Каким чудовищем нужно тогда быть?

Мне её помощь не нужна. После всего она показала, кем была на самом деле — и что на самом деле обо мне думает.

Амалиен медленно прошла по комнате. Разворачиваюсь так, чтобы она не смогла увидеть собранные вещи.

— Знаешь, находясь здесь, я убедилась, что твой муж крайне недоволен тобой. Уехал так скоро, оставил тебя. Шерелин, ты не справляешься, признай это. Хватит обижаться.

— А кем он доволен? Беттис? — не могу удержаться от укола.

— Перестань, ты ведёшь себя как истеричка. Он будет доволен той, кто понимает его и поддерживает. Беттис порядочная девушка, лучше, чем ты о ней думаешь, умна, образованна, с чувством достоинства. Она просто хотела тебе помочь, чтобы ты посмотрела на себя, Шерелин. Она добра и дружелюбна, и в этом её большая слабость. Да, немного прямолинейна, но всё, что она сказала, это из заботы о тебе. Для твоего же блага.

Не понимаю её слепую любовь к младшей дочери: возво-

дить её на пьедестал, на котором она раздвигает ноги перед моим мужем.

— Ты правда в это веришь? Или снова решила сделать из меня идиотку? — голос садится, но я не могу молчать. — Беттис спит с моим мужем.

Хотя что говорить, Беттис так умело играет, ставит себя так, что я до конца не подозревала её в этом.

Амалиен вздрогнула как от пощечины.

— Не смей так говорить, она не спит с ним, — вспыхивает. — Она даёт то, что нужно мужчине. А ты не можешь этого принять с достоинством, — вспыхнули яростью глаза. — Ты прекрасно знаешь, кто ты для дракона — средство в достижении его целей. Ты согласилась на это изначально. И не справилась, а теперь обвиняешь в этом других. Беттис имеет право занять твоё место, а ты подлю завидуешь своей сестре, это низко и жалко. Посмотри на себя, во что ты превратилась за эти дни! Ни один мужик тебя не захочет, плачущая страдающая размазня!

Я криво усмехаюсь. Больно. Очень больно. Мать меня буквально хоронит заживо. Но я переживу. Как-нибудь. А она будет с этим жить. Никто не узнает истинную причину моего состояния. Первый ребёнок дракона будет от меня, хотя они этого или нет!

Я уже победила.

Теперь мне нужно заботиться о себе и о малыше.

— Знаешь, мне уже плевать, надеюсь, Беттис оправдает

твои ожидания, а если нет, как ты будешь себя чувствовать? — мой голос звучит зло, ядовито, я понимаю это, но последнее живое умерло во мне и сгорело, осыпавшись пеплом.

Амалиен замерла словно громом пораженная. Я вижу, что мои слова приводят её в ужас, ведь она уверена, что Беттис сможет использовать Ройнхарда.

— Ты не в себе, — шепчет, у неё даже слов не нашлось. Пытается удержать лицо, но в глазах мелькает страх.

Я делаю судорожный вздох. Всё, с меня достаточно. Сколько можно быть подушкой для битья? Хватит. Я больше не дам им топтать мою душу. Пусть ищут новую жертву.

— Для вас есть хорошая новость. Я не буду вам мешать. Я уезжаю. Радуйся и живи счастливо.

Хватаю сумку, что прятала, и обступаю её, больше не собираюсь говорить с этой женщиной.

— Да куда ты поедешь? Ты не сможешь уйти, — разворачивается она. — Кому ты нужна? Использованная, пустая, отверженная собственным мужем, жалкая и никчёмная, посмотри на себя! Через неделю приползёшь и будешь просить прощения, вот увидишь, пожалеешь.

Слова её били как свинцовые пули в спину. Но я уже ушла — за грань, где они больше не причиняют боли.

5. Да, мой господин, как скажешь

Ройнхард

Холодные тени утренних деревьев словно когти впиваются в свет, проникающий сквозь приоткрытое окно. Тюль лениво колышется, подчиняясь порывам ветра, но меня больше занимают дела надвигающегося дня. Слишком много задач, чтобы позволить себе роскошь валяться в постели.

Резким движением отбрасываю в сторону стройную женскую ногу. Беттис как змея ворочается и просыпается, нарушая утреннюю тишину своим сонным дыханием. Я изначально был против её визита в штаб, но инстинкты, чертовы инстинкты взяли верх. Дракон внутри меня жаждал её плоти, желая запечатлеть свое семя в ее утробе. Меня она раздражает своей наивной похотью, но дракона дразнит, ему нужно потомство. И мне тоже. В этом мы с ним едины.

Тонкие женские руки обвиваются вокруг меня, ладони скользят по обнаженной груди, опускаются на торс и проникают в расстегнутые брюки.

— Останься еще немного, Ройн, — шепчут нежные, еще не тронутые ото сна губы.

— Достаточно, *иллариэ*, — произношу ее имя, имя любовницы, женщины второго плана. Так принято традициями, где иерархия важна даже в постели.

Беттис замирает, словно примеряет на себя новую роль, я

чувствую сладкий вкус её волнения. Да, девочка, знай своё место.

— А твой друг с этим не согласен? — шепчет она горячо, снова принимаясь за ласки, играя пальцами в моих брюках.

И, надо признать, у нее это получается отменно. Слишком хорошо для девственницы, которой она пыталась казаться. Опыт у нее определенно есть, опыт в доставлении удовольствия мужчине. Маленькая грязная шлюшка.

Задержаться еще на пять минут пришлось лишь для того, чтобы преподать ей урок: не стоит удерживать меня, не используя свой рот для чего-то более полезного...

Раскрасневшаяся задыхающаяся маленькая шлюха рухнула обратно на постель, вытирая губы.

— Я напому тебе, — беру её за подбородок и смотрю в глаза: — Мне нужен наследник, очень постарайся, чтобы он был, иначе ты окажешься в незавидном для себя положении.

Колышущиеся как облака груди с бледно-кремовыми вершинками вздымаются и опадают от судорожного дыхания. Глаза блестят, волосы шоколадным шёлком разбросаны по подушке, плоский живот дрожит. Красивая здоровая самка, дракон доволен — она может выносить здоровое потомство. И этого достаточно. Мне нравилось, что она быстро умела перестраиваться и соглашаться на всё, что я говорю. Тянет к ней, к этой животной страсти и вызову, с каким она смотрит на меня, и я наслаждаюсь властью над ней.

Когда-то Шери была такой же безумно горячей, а потом с

этой проблемой стала холодной, заковала себя в непробиваемый панцирь льда.

Достаю из кармана мундира портмоне, открываю его и вынимаю несколько бумажек. Кидаю их на постель. Беттис смотрит на них, а затем переводит на меня взгляд, в котором бушуют жадность и восхищение. Похотливая сучка.

Она напряжённо смотрит на деньги. Но молчит. Умная девочка.

— Купи себе что-нибудь. Чтобы выглядела прилично, когда снова явишься ко мне, — добавляю хладнокровно, застёгивая ремень.

Она моргает, её губы дрожат — от злости или желания, неважно. Я вижу, как она сжимает кулаки под простыней, а потом резко выпрямляется, отбросив ткань. Гордая, голая, с выпяченной грудью и вызовом во взгляде.

— Я рожу тебе сына, Ройн. Не из-за денег. Потому что ты выбрал меня, а не её.

"Её" — и без имён понятно, кого она имеет в виду. Напрягаюсь, дыхание мгновенно становится свинцовым. Гнев хлынул лавой по венам, обжигая лёд. В мои планы не входило, чтобы Шерелин узнала о связи с Беттис. Последняя ночь была той самой каплей, когда после бурного секса она сразу закатила мне истерику. Нервы лопнули. Я долго терпел, ждал, а в итоге стал тем, кто должен её понять.

Беттис шевелится, встаёт, грациозно, как хищница. Волосы каскадом спадают по спине. Как же они похожи. И какая

же она всё-таки другая.

— Не заставляй меня ждать, Беттис. У тебя несколько месяцев на это. Собирайся, — командую и шлёпаю её по упругой ягодице.

— Ай! Ройнхард! — по спальне прокатывается её смех.

— Возвращайся к себе и приедешь тогда, когда я позову. Поняла?

Достаточно того, что она здесь уже неделю.

— Да, мой господин, как скажешь.

Вхожу в давящий тишиной, как толща воды, кабинет. На столе ворох канцелярии. Планы, схемы, списки — холодная логика, призванная удержать империю в моих руках.

Они должны были бы занимать мои мысли, но реальность оказывается куда более неудобной.

Личные чувства мешают добиваться высот.

Злюсь. На себя. За эту проклятую слабость, за то, что позволил эмоциям просочиться сквозь броню рассудка. Знал ведь, что цена бездействия непомерно высока. И все равно предавался иллюзиям, тратил годы на призрачную надежду получить от Шерелин наследника.

Ничего она не смыслит, думает, власть и статус это что-то должное? Это постоянная борьба.

Отодвигаю кресло, падаю в него с нарочитой небрежностью. Бросаю взгляд на портрет в овальной серебряной рамке. Шерелин. Идеальная Шерелин. Нежный лик красавицы,

фиалковые глаза, утопающие в море золотых локонов. "Самая красивая женщина Глинфорста". Задерживаю взгляд на длинной изящной шее, на тонких ключицах, на манящих холмиках грудей, вырывающихся из кружевного плена декольте. Моя оценка холодная, отстраненная. Как на аукционе.

Она перебесится. Подумает и успокоится. В конце концов, я — дракон. Я главный. Для меня статус, власть, долг перед кланом — превыше всего, как бы она ни хотела этого отрицать. Женщина — лишь инструмент, не более. Не должна занимать в моих мыслях столько места.

Резким движением переворачиваю портрет лицом вниз. Гашу эту ненужную болезненную искру.

Так лучше. Без этого взгляда. Взгляда, в котором ещё недавно бушевал целый ураган чувств.

Проще быть волей, а не человеком. "Человек" звучит как что-то слабое. Чертовски прописная истина, которую отец вбивал в меня с самого детства. Как же он был прав. Еще один шаг в сторону — и все рухнет. Никто не должен увидеть трещины, которые уже расползаются по моей броне.

Я командующий. Я дракон. Я — Ройнхард Крэйн. Для меня важен долг, а не бабьи капризы.

Прикрываю веки, но ее взгляд, полный огня и непокорности, все еще обжигает мои воспоминания.

Сжимаю кулаки, отгоняя эти лишние мысли.

Тянусь к планам. Вчитываюсь, заставляя себя сосредото-

читься на линиях и цифрах, а не на пустяках. Громкий, почти панический стук в дверь вырывает меня из сосредоточенности.

— Входи, — разрешаю я, откидываясь на спинку кресла, отбрасывая бумаги на стол.

В кабинет шагает курсант. Молодой зелёный юнец. Чётко отсалютовав, он впускает доносчика. Тот вваливается, едва не спотыкаясь на пороге, словно загнанный конь, находит мечущимся взглядом меня.

— В чём дело? — сжимаю кулаки, предчувствуя западню.

— Господин, — выдавливает он, голос срывается, — жена ваша... сбежала.

Взрыв. Невидимая ударная волна проносится по кабинету. Чувствую, как воздух сгущается словно перед бурей. Каждая мышца в моем теле каменеет, превращаясь в стальные канаты. Разум отказывается принимать эту новость.

— Что значит “сбежала”? Ты перепутал что-то? — рычу, медленно поднимаясь из-за стола. Кресло с лязгом отодвигается назад. Мой голос — низкий, угрожающий — заставляет доносчика съежиться.

— Простите, ваша светлость, — заикаясь, мотает он головой, — сам не знаю, как так получилось. Госпожа вызвала лекаря, Орвеля Мериана. Якобы приступ слабости. Охрана допустила его. А спустя час из резиденции выехала карета лекаря. Никто не догадался, что госпожа уехала вместе с ним. После слуги доложили — так и есть, госпожи нет в зам-

ке. Они нашли записку. Вот она.

Доносчик достаёт из-под полы камзола конверт из пудрово-розовой бумаги и дрожащей рукой кладет на край стола.

Грохот сердца. Что-то тяжелое поднимается из недр моего тела. Как будто встаю на край пропасти, один неверный шаг — и кану вниз. Шерелин сбежала, посмела дерзнуть, наплевав на мои слова, на моё предупреждение, ни во что меня не ставя. Накажу.

Хватаю записку. Рву бумагу. Сладкий запах ириса заполняет голову, насмешливо дразнит.

Раскрываю лист.

“Ты растоптал нашу любовь, унизил и предал, и если теперь я ухожу, то не потому что боюсь или слаба, а потому что больше не могу жить во лжи, где меня используют как вещь, обесценивают мою боль потери, стирают моё имя под ногами чужих прихотей, и пусть ты назовёшь это бегством, но для меня это — единственный путь сохранить то, что останется со мной”.

Ниже подпись — “Шери”.

“Бах! Бах! Бах!” — под градом ударов дубовая столешница хрустит пополам.

Кулак в кровь.

Ярость обжигает. Дыхание срывается. Перед глазами тьма. Накатывает ледяное осознание: она переиграла меня. Она посмела это сделать против моей воли, против закона, послушалась.

Проклятье! Гадкое, щемящее, почти унижительное чувство накрывает, расползается мерзкими липкими щупальцами, душит.

— Догнать! — рявкаю я утробным рыком.

6. В вашем положении нужно беречь себя

Шерелин

Погода портилась, напуская на вечеряющее небо насыщенно-синие облака. Листва деревьев шелестела колыбельную. Карета мерно покачивалась на ровной дороге. И мои веки тяжелели с каждой минутой.

Раньше я любила путешествия, особенным событием были поездки на светские вечера и долгие луговые прогулки, чтение в беседках или у пруда, долгие размышления, мечтания. Казалось, весь мир для меня, и в нём не было места боли и разочарованию.

Закрываю глаза и вдыхаю наполненный кислородом воздух в грудь. Как наивна я была.

Подкатывающая тоска и обида выжигают в сердце дыру. Задыхаюсь. Я не справилась. Не получилось. А ведь жизнь обещала победы. Но почему-то судьба решила, что я не достойна счастья, сколько ни старайся.

Тяжело. И несправедливо. Жестоко.

— Шерелин, вы можете остаться в моём доме сколько нужно, — мягко прерывает мои душевные муки Орвель Мериен.

Быстро моргаю, сбрасывая непрошенные слезы. Прихожу в

себя.

— Спасибо, вы и так сделали для меня многое. Оставаться надолго рискованно, боюсь, что мой муж не даст мне так просто уйти, — вымучиваю из себя улыбку.

Хотя искренне не понимаю, зачем я нужна ему. У него теперь есть новая игрушка, более перспективная, чем я.

На смену тоске подходит тупая злость. Нет, Шерелин, так нельзя. Нужно твёрдо решить для себя не скатываться в жалкое ничтожество, неугодное и не нужное никому. Я должна сосредоточиться на своей безопасности. Расторгнуть брак. Для начала — попасть в резиденцию своего отца, попросить поддержки, в конце концов, я его законная дочь. Если не получится, тогда обратиться за помощью к императору. А если меня даже слушать не станут? Попросят вернуться? Сделают меня виноватой? Что тогда?

Кусаю губы.

Кто-то должен меня услышать и понять.

— И всё же вам нужно хорошо отдохнуть. В вашем положении нужно беречь себя, — назидательно, но мягко сообщает лекарь.

Смотрю на Кармен, которую я взяла с собой. Не могла этого не сделать, леди без прислуги — дурной тон. Женщина сделала вид, что не слышала слов лекаря.

— Хорошо, буду смотреть по обстоятельствам, — соглашаюсь я.

Всё же он прав. Я покинула свой дом, место, которое за

три года стало мне родным. Впереди неизвестность и трудности. Мне необходимо ещё отстоять свои интересы. Ещё неизвестно, как будет вести себя Ройнхард. А он явно дал понять, что не отпускает меня.

Задерживаю дыхание.

Нужно набраться сил перед очередным боем. Ещё никогда я не была уязвима как сейчас. Справлюсь ли я? Смогу ли противостоять своему мужу-изменщику и не сломаться под его давлением?

Наконец карета въехала на территорию усадьбы господина Мериена, и как раз лениво заморосил мелкий дождь.

Собрав все вещи, мы спешно направились к парадной. Успела отметить, что усадьба лекаря, окружённая зеленью, напоминала укромное гнездо, выстроенное природой для тишины и исцеления, где сама земля, казалось, дышала настоем трав и старых секретов.

Сразу сделалось так тепло. Пожалуй, я бы осталась здесь жить, не то что переночевать!

Окончательно в этом убедилась, когда мы вошли в дом.

Внутри пахло сушёными апельсинами, корицей и чуть терпкой грушей. Тепло от камина окутывало, проникало в кости, в самые трещинки души, туда, где затаилась усталость. Свет был мягким, словно вечернее солнце переливалось в янтарных стёклах подвесных ламп и рассыпалось бликами по деревянным полированным поверхностям. Всё здесь дышало достатком — но без показной роскоши. Слов-

но хозяин знал цену каждой вещи и выбирал не для показухи, а для уюта.

Плетёные кресла с высокими спинками, мягкие подушки с вышивкой ручной работы, грубые деревянные балки, тёплые ковры с замысловатым орнаментом. Дом словно был соткан заботливыми руками женщины. В нём хотелось остаться, ещё никогда у меня не было такого чувства. Даже в собственной колыбели.

Тишина здесь не давила, а ласкала. И хотелось дышать.

На круглом столике у окна в чайнике остывал настой, и рядом лежала раскрытая книга, словно хозяин просто вышел на минуту и вот-вот вернётся.

— Эвелен, родная, ты где? Встречай гостью, — зовёт строго и как-то заботливо Мериен кого-то из глубины дома.

Я почувствовала робость, стыд и желание покинуть дом. Не потому, что мне что-то здесь не нравилось, напротив! Я чувствовала себя в безопасности, как в лоне тёплого озера. Просто мне было стыдно за себя перед незнакомой женщиной.

Стыдно за то, что я не смогла устроить свою личную жизнь, запрещая себе быть женщиной.

Но ведь причина не во мне, как утверждает Ройнхард. Не во мне! Это он не понял меня, не оценил! Он!

Но стоило Эвелен появиться в комнате, как всё это уродливое ощущение неполноценности схлынуло, когда я услышала мелодичный голос:

— Иду-иду, милый! — выходит в холл невысокого роста женщина с подносом в руках.

Эвелен была не просто приятна — она вся излучала тепло. В этих её добрых янтарных глазах, в мягкой улыбке, в том, как двигалась, легко, по-домашнему. Простое кремовое платье, передник цвета шоколада, толстые косы уложены без вычурности, но так, что глаз не оторвать. И запах... Господи, от пирога на подносе тянуло такой сладостью — корица с грушей, как в детстве на праздники.

— Ой, да вы как раз вовремя! — радостно говорит она. — Заходите, милая, не стесняйтесь. Дом — не музей, у нас здесь всё по-простому. Устали ведь? Сейчас я вас накормлю, потом отдохнёте, а уж потом всё остальное.

Она не дала времени на неловкость. Как будто я не гостья, а родная племянница. Меня сразу посадили в одно из плетёных кресел с мягкими расшитыми подушками, поставили блюдце с горячим золотистым чаем, загрузили на расписную тарелку сочного пирога и окружили заботой — тёплой, ненавязчивой, почти невидимой, но такой, от которой сразу внутри что-то размягчается.

— Ешьте, не стесняйтесь, — Эвелен садится рядом со своим пирогом. — У нас тут всё своё: груши с дерева, корицу сам Мериен готовил, уж больно любит возиться на кухне. А пироги — это моё всё. Обожаю их печь.

Я кивнула, и хотя ничего не лезло в горло, пирог я откусила из вежливости. Некрасиво ведь отказываться.

И прикрыла глаза от удовольствия.

Он был горячий, сладко-пряный, с тающей мягкостью во рту. Господи, какая вкуснотища! Я не заметила, как за первым кусочком последовал второй, и, кажется, никто не отставал от меня.

— Бесподобно, дорогая, — хвалит Мериен, смакуя каждый кусочек, приобняв жену.

А у меня горло защемило. Нет, я не готовила никогда Ройнхарду сама — в доме были повара, но я всегда следила за меню, выясняла, что нравится мужу, добавляла новые блюда, экспериментировала. Ройнхарду нравилось, но он воспринимал мои старания как должное. Будто ничего особенного в этом не было. Я задумалась, а ценил ли он когда-то меня вообще?

Не заметила, как разговор за столом стих. Но никто не задавал мне лишних вопросов, а я не хотела делиться тем, что творилось внутри.

— Спасибо, Эвелен. Очень вкусный пирог, давно не ела чего-то подобного, — говорю я, ставя чашку с недопитым чаем на кружевную салфетку, наверняка смастерённую этой доброй мудрой женщиной.

— Шерелин, так вы решили? Останетесь? — спрашивает лекарь осторожно и без нажима.

Эвелен смотрит на меня. Конечно, муж ей обо всём рассказал, ведь в записке я передала всю суть своего положения, пусть и без излишних подробностей.

— Мы будем рады принять вас столько, сколько нужно. Понимаю, как это тяжело, возможно, невыносимо, — заговаривает Эвелен, — но, поверьте, время всё лечит. Я ведь, знаете, тоже пережила развод, а потом встретила своего горячо любимого мужа. А тогда мне казалось, что это крах. Уверена, вы также встретите достойного мужчину.

Я замираю, сердце болезненно сжимается. Всё внутри меня протестует, отвергает. Я не хочу встречать кого-то! Не нужно мне это. Это последнее, о чём бы я хотела думать. Не хочу и не буду! Не эти слова я хочу слышать. Мне не нужен никто!

Я горю от собственного осознания — не готова я отпустить Ройнхарда. Эта мысль бьёт ещё сильнее, желание сохранить отношения с изменником во мне вызывает ярость.

— Спасибо за поддержку, — улыбаюсь, сдерживая горячий вулкан внутри, а в самой всё переворачивается. — И за приём тёплый спасибо, — моргаю я, сбрасывая наваждение. — Я уеду завтра утром, мне нельзя задерживаться. Не хочу подставлять вас. Мой муж... — господи, почему я до сих пор называю его своим мужем? — Он влиятельный человек и... не потерпит, если его попытаются остановить, сам факт того, что я нарушила его запрет, разозлит его, не хочу подводить вас, — наконец выдаю я.

Чем быстрее окажусь подальше от него, тем лучше.

— Извините, а сейчас мне хотелось бы отдохнуть, — поднимаюсь из-за стола.

— Конечно, — поднимается следом Эвелен, — я провожу. Комната уже приготовлена, свежая, чистая, окна выходят в сад, там тишина, только листья шепчутся, и слышно вечернее пение птиц. Вашу служанку я размещу в комнате прислуги.

Киваю.

Уже через минуту мы поднимаемся по лестнице на второй этаж.

Эвелен идёт медленно, хочет сказать многое, но мудро молчит. Я иду за ней, уставшая до ломоты в плечах, и всё же ощущаю рядом со мной человека, который, как фонарик в тумане, выводит меня из тени собственных терзаний.

— Если что, вы никого не подставляете, — говорит она вдруг. — Уйти — это не слабость. Поверьте. Это огромная сила, вы умница. Остаться и сломаться — вот что страшно.

Я молчу. Проглатываю комок.

— Иногда лучшее, что мы можем сделать, это просто выйти за порог и посмотреть на мир, — продолжает она, останавливаясь у двери. — А что будет потом... потом будет видно.

Я киваю, не в силах что-то ответить. Она открывает дверь и, не спрашивая ничего, просто говорит:

— Если не уснёте — там в комодке сборник с философскими выжимками. И лаванда под подушкой. Мне помогает.

Я улыбнулась.

— Доброй ночи, — тихо закрывает за собой дверь.

А я остаюсь в тишине.

Разворачиваюсь, осматривая уютную теплую комнату.

На полу тёмный потёртый ковёр с нежным орнаментом. У стены простая, но добротная кровать, застеленная пышным одеялом цвета сливок и с вышитыми вручную подушками. Рядом — резной шкаф, невысокий комод с плетёной корзиной и кувшином воды. Подсвечник на комод. У окна — кресло с пледом, сложенным в аккуратный прямоугольник.

Всё здесь дышало заботой. И всё было чужим — настолько чужим, что захотелось заплакать.

К окну иду, раскрываю рамы. Солнце село уже, но за плотными тучами не видно этого, зато слышно пение птиц в тишине и тихий, как шум волн, дождь по листьям. Влажный, напоенный травами воздух дохнул на меня, разливаясь по комнате свежестью и прохладой.

Вдыхаю полной грудью, смотрю в сторону сада. Ройнхард наверняка уже узнал о моём побеге. Лишь бы не нашёл меня, прежде чем доберусь до отца.

Закрываю раму и прохожу к шкафу. Красивый такой, хотела бы такой же в свою комнату. Вот только своего дома у меня теперь нет.

Глажу пальцами резное, покрытое лаком дерево, раскрываю стеклянную дверцу и нахожу тот самый томик, который Эвелен предлагала. Беру его и возвращаюсь в кресло.

Спать сейчас не хотелось, хотя устала очень. Хорошо, что за весь день не тошнило. Ладно, надо как-нибудь занять себя,

чтобы о плохом не думать.

Но сборник я так и не открываю, смотрю сквозь комнату. И вижу свою жизнь в резиденции Дер Крэйна.

Вспоминаю, как мы с Ройнхардом познакомились. Это была любовь с первого взгляда. Сильный, статный, безумно красивый. Тогда я почувствовала, что словно за горой. Серьёзный, сдержанный, настоящий аристократ. А я... Я просто очаровалась им. Думала, вот он — мой дракон.

Ройнхард таким и оставался, если я думала, что смогу смягчить его сердце, то напрасно — он был непреклонным, местами требовательным, властным, часто отстранённым. За каждым моим шагом следили, каждый мой поступок держался в рамках. Но я закрывала глаза на это, потому что... любила.

Но были и хорошие моменты, конечно. Помню, как мы гуляли в саду, держась за руки. Он рассказывал о своей службе. В такие моменты я слушала его, затаив дыхание, ведь он не часто открывался.

Как-то раз зимой, когда выпало много снега, мы дурачились. Бегали друг за другом, смеялись как дети. А потом сидели у камина, пили горячий шоколад и смотрели на огонь. Мне запомнилось это хорошо.

Но все эти светлые моменты были лишь редкими вспышками среди серых будней. А после моей первой беременности всё чаще мы ссорились, всё больше он отдалялся.

И причина была в том, что он считал меня лгуньей.

И вот теперь я здесь, в этой комнате, вдали от резиденции Дер Крэйна. Я сбежала от неверного мужа, чтобы спастись и не потерять второго ребёнка от бессердечного изменщика.

И как теперь понять, делаю ли я правильно. Не загоняю ли себя в ловушку. Так страшно, не хочу потерять своего малыша, который дал мне второй шанс. Спасу от отца-предателя.

Раскрываю книгу, и первое, что мне попадаетеся, это выведенные красивым контуром строки:

“Иногда, чтобы остаться собой, приходится отпустить всё — и дом, и любовь, и даже то, во что верил. Потому что по-настоящему свободным становишься только тогда, когда перестаёшь жить в чужой лжи”.

Я задерживаю дыхание, и меня словно молнией пронзает. А любил ли меня Ройнхард? Кем я была для него? Если бы родила детей, он бы считал меня любимой женщиной? Или просто вещью, средством достижения своих целей, исходным материалом?

Именно так и было, всегда. А я... Я поддерживала эту роль, обманываясь, что любима. Не любима, никогда, ни разу.

Горечь комом подкатила к горлу. Как? Как же так? Вот где моя ошибка. Я не дала понять Ройнхарду, что я ценность, что я личность и важна, что я не просто красивая статуя в его доме. Так ведь он меня воспринимал? Да? А я разрешала. А теперь он думает, что я потерплю его любовницу. Буду молчать, смирюсь, проглочу обиду, наблюдая, как он развле-

кается с Беттис в нашем доме.

Гнев обжѣг горло, запылал углями перед глазами. В груди запекло от боли. Стискиваю книгу в пальцах, сдерживая себя от порыва разорвать её, сжечь.

Но донѣсшийся до слуха быстрый топот за дверью заставил меня мгновенно очнуться, а короткий стук — подскокнуть на ноги. Поднимаю упавший на пол сборник и иду к двери.

В комнату вбегает Кармен.

— Госпожа, госпожа, ваш муж, господин Крэйн, он здесь, нашѣл вас, с господином Мериеном спорят, — приглушѣнно испуганно тараторит Кармен.

Я и в самом деле слышу с улицы какие-то звуки.

— О чём спорят? — возвращаюсь к служанке.

— Не знаю, госпожа, не расслышала толком, на улице они, — мотает головой, продолжив бубнить Кармен, — но господин Крэйн выглядит очень злым, очень. Вам нужно спрятаться, идѣмте, Эвелен велела спуститься вниз через тайный ход.

Меня покрывает всю липким потом, сердце колотится так, что, кажется, проломит грудную клетку. Стискиваю жѣсткий переплѣт книги в дрожащих пальцах.

Так, спокойнее, Шерелин, без паники.

— Живо, идѣм, — подталкиваю Кармен к двери.

— Ох, ваши вещи, госпожа! — бросается она к саквоюжу.

7. Давай, поиграем!

Ройнхард

Я знал, что она здесь. Дракон чуял её. Аромат ириса перемешивал запах корицы, но это был точно он.

— Господин Крэйн, мы с супругой уже отдыхаем, могли бы мы перенести разговор на утро? — лекарь устало потирает переносицу.

В груди клоочет ярость, магия бурлит в венах. Меня сорвали из штаба, я вынужден гоняться по всему Глинфорсту, бросить, мать твою, всё, чтобы мне сказали перенести разговор?!

— Где Шерелин? Я знаю, что она здесь, — рычу, теряя терпение.

— Господин Крэйн, прошу вас, — голос лекаря напряжён, но он упрямо стоит на своем, — она только что приняла успокоительное. Ей нужен покой.

Дракон внутри меня рвется наружу, подталкивая к необдуманным действиям. Запах ириса становится невыносимым, он душит меня, словно напоминание о том, что я теряю контроль. Я его потерял ещё в штабе. Как она посмела уйти из дома за моей спиной, наплевав на мою репутацию?!

— Покой? — ядовито шиплю я, чувствуя, как магия просачивается сквозь пальцы, обжигая воздух. — Она сбежала, молча, моя жена! Я потратил чертов день, чтобы услышать,

что ей нужен покой? Серьёзно?!

В глазах лекаря мелькает испуг, но он не отступает.

— Я понимаю ваше беспокойство, господин Крэйн, но почему не дожидаться утра? Вы придёте в себя, Шерелин отдохнёт, и тогда вы сможете обо всём поговорить.

— Я не собираюсь с ней говорить, я намереваюсь вернуть её домой немедленно! Открой дверь, — рывкаю я, не давая ему договорить. — Сейчас же открой эту дверь, или я вынесу её вместе с тобой!

Орвель Мериен встаёт, преграждая путь.

— Тогда вам придётся пройти через меня.

Я усмехаюсь и делаю шаг вперёд, смотрю на лекаря. Да, он уважаемый человек, только кое-что забывает.

— Я генерал, командующий целой империи, когда дело касается меня, моего статуса, всего, что принадлежит мне, я пройду через всё, — выжидаю паузу. — Сам факт того, что я ещё не в доме, говорит, что я уважаю границы. Но моё уважение не бесконечно, предельно понятно объясняю?

Орвель сглатывает, он прекрасно понимает.

— Она не хочет с вами говорить, господин Крэйн, почему вы это не примете?

Слова Орвеля пронзили меня как осколки льда. Не хочет говорить? Да кто она такая, чтобы решать? Я её муж! И она обязан слушать меня. Ярость клокотала внутри, смешиваясь с отчаянием и чем-то мучительным. Она нарушила правила, наплевав на мои слова. Хотел ли я её наказать или просто

увидеть? Не знаю, но я верну её прямо сейчас.

— С дороги, — командую я, собственный голос трескается льдом в горле.

Орвель медлит, но вынужденно отходит. Шагаю в дом, в холл выходит женщина, на лице испуг, но с места не двигается.

— Родная, проводи господина Крэйна к Шерелин, — разумно просит Орвель свою супругу.

Она кивает, задерживает дыхание.

— Хорошо. Раз так необходимо... Идёмте, господин Крэйн, — направляется к лестнице.

Мы поднимались, минуя бесконечные коридоры, пока хозяйка дома не замерла перед одной из дверей. Она колеблется, и эта заминка, это её чёртово замешательство злит меня. Не дожидаясь приглашения, я толкаю створку и врываюсь в комнату. Запах Шерелин повсюду, вот только её самой нет.

Сердце бешено колотится, кровь стучит в висках. В несколько шагов я пересекаю комнату и выглядываю в распахнутое окно. Внизу расстилается ухоженный сад: кустарники, клумбы... Неужели она могла выпрыгнуть? С этой высоты? Безумие!

Ярость полосует меня словно кнутом. Развернувшись, возвращаюсь к побледневшей хозяйке дома и в упор смотрю ей в глаза, давя своим взглядом.

— Где она?

— Была здесь... — отвечает стойко.

Меня трясёт от ярости. Срываюсь с места, шагаю вдоль коридора и распахиваю двери одну за другой. Каждая пустая комната обжигала меня как плевок в лицо. В какой-то момент до меня дошло: её нет в доме. Она исчезла, растворилась в воздухе. След терялся в коридоре.

Иду на выход, пересекаю двор под обрушившимся на меня ливнем. Дождь смывает всё, мешает слушать. Но зверю не нужно слышать, он чувствует. Дракон ревёт, рвёт плоть в клочья, толкая меня к обороту.

Она где-то рядом, я знаю это. Дракон жаждет ощущать под кожей её страх и податливость. Тьма сгущается, отбрасывая все доводы рассудка, оставляя лишь вторую сущность. Зверь вёл носом, выискивая её запах.

— Хочешь поиграть в кошки-мышки, Шерелин? Давай поиграем! — разрезает ливень гортанный рык.

Резко разворачиваюсь и срываюсь с места, от земли отрывается тяжёлое тело дракона, крылья которого прорезают воздух.

Шерелин

Лошадь несла карету едва ли не в галоп, но вскоре мощенная дорога сменилась разбитой проселочной, и кучеру пришлось сбавить ход. Лошадь скользила по грязи копытами, а начавшийся ливень так и не прекращался, создавая опасные препятствия.

— Как страшно, госпожа, — трясётся Кармен, ее голос перебивает грохот тяжёлых капель о корпус кабины, в кото-

рой мы укрылись.

У меня и самой были недобрые предчувствия. Сейчас Ройнхард поймёт, что меня нет в доме лекаря, и погонится за мной.

Если уже не погнался.

Что он тогда сделает? Запрёт меня в комнате, как безвольную наложницу? Всячески даст понять, чтобы я пожалела о своём поступке? Чего он хочет?

Почему, чёрт возьми, все вокруг так несправедливы ко мне? Почему? И за что?

Мне было семь, когда мать наказала меня за то, что я сорвала тюльпаны в клумбе перед комнатой, где она музицировала на рояле. Цветы были такие красивые, сочно-жёлтые, алые, запах сладкий. Маленькой девочке очень-очень хотелось их. Я принесла целый букет в свою комнату, поставила в тяжелую вазу, что стащила из гостиной. Когда мать их увидела, у неё случился приступ ярости, она громко кричала, топала ногой, а потом выхватила цветы из вазы и швырнула мне в лицо.

Я долго плакала в подушку, укрывшись с головой одеялом, горячая несправедливость терзала маленькую девочку. Никто тогда не собирался её утешить... Я так и уснула, проспав до вечера.

Наверное, матери была важна эта клумба с цветами, в перерывах она выходила на террасу и любовалась их видом. И увидев одни стебли, пришла в ярость. Но тогда я ничего это-

го не понимала и думала только одно — что мама меня не любит.

И никто не любит... Я и сейчас так думаю.

Горло сдавило поступающими слезами, я заставила себя успокоиться — не плакать же перед служанкой!

Впрочем, она заметила, раскрыла рот, чтобы что-то сказать...

И тут неясная тревога внезапно настигла и меня. Хватаюсь за подлокотник сиденья, вцепившись как в сук.

Моя драконица редко даёт такие сигналы, но сейчас тревога нахлынула как морская волна. Внутренний драконий рёв, подняв самую настоящую панику, заставил заледенеть.

Такое было перед свадьбой с Ройнхардом, когда моя драконица чувствовала рядом своего сильного опасного хищника, готового спариться с самкой. Оно вдвойне обостряется при обороте. Конечно, ни о каком спаривании не может быть речи, а вот то, что муж летит по моему следу, становится совершенно ясно.

— Что случилось, госпожа, плохо? — сильнее беспокоится Кармен.

— Останови кучера, — выдавливаю из себя, губы словно налиты свинцом, дыхание рвётся из груди клочьями. Внутри всё сжалось — я будто превратилась в сгусток тревоги.

Кармен заметалась как перепуганная птица, застучала в окно кучеру. Колёса закрипели, лошадь, сбив шаг, замедлилась. Я резко накидываю капюшон.

— Куда вы?

— Сиди здесь, — командую.

Кучер съёжился под козырьком, мокрый, как сноп соломы, укутанный в плащ до глаз. Я выбегаю, подбегаю к нему, почти не слыша собственных шагов в грохоте ливня.

— Сверни с дороги! — кричу, почти перекрывая ветер.

— Под деревья, вон туда, дальше! Спрячьтесь!

Кучер, ничего не спрашивая, натянул поводья.

— Госпожа! Я с вами! — Кармен уже открыла дверцу, готовая броситься следом.

— Оставайся с кучером, и дождитесь меня, — строго одёргиваю.

— Нет, я вас не оставлю!

— Высеку! — выкрикиваю, топнув в грязь так, что брызги летят в стороны. Кармен затихает. Её плечи обмякают, но я вижу, как у неё дрожат губы.

— Дождитесь меня, если Дер Крэйн вас найдёт, скажешь, что я ушла без объяснений.

— Но как вы... как вы нас найдёте? — скулит она, почти теряя лицо. Знаю: Кармен пытается быть сильной, но её с детства пугал гром.

— Найду, не переживай. А если меня... не дождётесь, возвращайся в дом господина Мериена. Он примет тебя на работу. Не останешься на улице.

— Но...

— Делай что говорю!

Кармен кусает губу, кивает, вся съёжившись. Кучер, не дожидаясь больше, трогает поводья — лошадь вздрагивает и трогается прочь. Я стою, мокну и смотрю вслед. Когда карета скрывается за поворотом, в меня с новой силой ударяет ливень.

Грязь под ногами чавкает, вода течёт вдоль дороги мутными ручьями. Следы — колёс, копыт — тают прямо на глазах. Осталось мне спрятаться.

Тревога снова обрушивается на меня ледяным градом, одновременно внутри толкает горячее, как лава, первобытное чувство. И если с эмоциями я могу справиться, то как быть с инстинктами и диким неуправляемым желанием?

Задираю подбородок, щуря глаза от потока, льющегося с тёмного, как глубины моря, неба. Лёд стекает мне за шиворот, дрожь пробегает по спине.

Ройнхард. Он знал. Знал, как вызвать свою драконицу. Но больше я ему этого не позволю. Никогда больше ты не получишь меня. Ни тело. Ни голос. Ни душу.

Я резко разворачиваюсь и срываюсь с места, брызги летят из-под сапог. Ухожу с дороги, с каждым шагом погружаясь в чащу. Дальше. Глубже. Туда, где он не найдёт.

Сердце отзывается гулкой дробью в ушах. Чувствую его приближение — словно хищник настигает, опалая затылок горячим дыханием.

Страх хлестал плетью, но в то же время внутри разгора-

лось дикое, первобытное возбуждение. Драконья сущность пробуждалась, тянула к нему, и я изо всех сил сопротивлялась, удерживая остатки человеческой воли.

Я знала, если он догонит, я сдамся.

— Не позволю этому случиться!

Заросли становились всё гуще и непроходимее. Тяжёлые сапоги с налипшей сухой листвой и грязью предательски скользили по влажной глинистой почве. Я хваталась за цепкие ветки, царапая ладони до крови, лишь бы только уйти, оторваться от него. Чтобы он потерял мой след, прекратил эту безумную погоню. Ему нужно вернуть человеческий облик, только тогда дракон внутри ослабит хватку, станет менее восприимчив к самке.

Внезапно меня накрыло горячей волной жара. Невольный стон вырвался из груди, и я словно подкошенная прильнула к мокрому стволу дерева. Паника парализовала, но инстинкт выживания заставил задрать голову, выискивая его в надвигающейся тьме.

И вот он — в черноте исторгающего воду неба промелькнуло мокрое тяжелое тело дракона. Чешуя, словно отполированная до блеска, отражала бледный свет. Перепончатые крылья бесшумно рассекали воздух, лишь слабый свист говорил о его чудовищной мощи.

Стискиваю кулаки, жмусь к стволу, прячась за ним под крону. Тяну руку к застёжке плаща и одёргиваю себя, гашу пылающую внутри магию.

— Не смей, Шерелин, — сжимаю бёдра, подавляя возбуждение.

Терпи.

В какой-то момент настигает облегчение. Дракон куда-то делся, я всё равно чувствую, что Ройнхард не сдался — это не в его характере. Не теряя времени, отталкиваюсь от дерева и продолжаю петлять по лесу.

Уже через десять минут впереди появился просвет, а под ногами — каменные выступы, похожие на руины. Я не ошиблась: на возвышенности вдруг стеной вырос старый разваленный замок, возможно, часовня.

Оглядевшись по сторонам, я осторожно спускаюсь, обхожу её. Я уже промокла так, что по телу гуляет озноб. А развалины обещают хоть какое-то укрытие. Обойдя их стороной, замечаю полуразрушенные ступеньки — они почти незаметны.

Быстро поднимаюсь, и уже на самом верху в небе раздаётся яростный рёв. Сердце вздрогнуло, тело охватило жаром, и, чуть не поддавшись зову, я нырнула внутрь руин, прячась за толстые стены.

Очередной рёв сотряс камни. Спотыкаясь и хватаясь за сырые, покрытые мхом стены, я поднимаюсь выше, оказавшись на просторной площадке, видимо, служившей залом — об этом говорили и посеребрившие колонны, среди которых ручьями стекала с края разбитого потолка вода.

Хруст ветвей приводит в чувства. Прячусь за стену, плот-

но прижимаясь к ней спиной. Не дышу.

В шуме дождя моё сердце, казалось, барабанило громче крупных капель, стучащих по стенам. Я чувствовала, что Ройнхард здесь, но он не давал о себе знать.

Не выдержав, осторожно выглядываю из-за стены, забывая про воздух. И замираю.

Наконец он приземлился. Недалеко от руин, словно сошедший с древних фресок, стоял Ройнхард. Полуобнаженный, лишь обтягивающие брюки с низко посаженным поясом подчеркивали его мощное тело.

В солнечном сплетении у меня всё сжимается, ноги едва держат от невольного узнавания и страха. Я видела своего мужа таким впервые: опасным, злым, еще не до конца вернувшимся в человеческое обличье.

Литые плечи и твердая грудь блестят как доспехи, словно их только что выковали в кузнице. Чёрные волосы мокрыми прядями липли к каменному лицу. Тёмные провалы глаз, в которых еще бушевал драконий огонь, казались почти нечеловеческими. Не мужчина — хищник. Настоящий зверь, проснувшийся после долгой спячки. Опасный, дикий, неуправляемый. От него исходила волна первобытной силы, заставляющая меня дрожать, а кровь — стынуть в жилах. И я, словно замороженная, не могла отвести от него взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.